

— Кх!.. — Цин Шу резко отшатнулся. Сделав три поспешных, неверных шага, он едва устоял на ногах. С его губ сорвался глухой стон, а на дощатый пол брызнула темная кровь. Лицо юноши, и прежде хранившее печать тяжелого недуга, теперь казалось совсем мертво-бледным.

— Цин Шу? — встревоженно окликнул его Бай Хэ.

Подобная внезапность застала императора врасплох: с чего вдруг его верный советник харкает кровью без всякой видимой причины? Сидевший неподалеку Бай Сяошуан и вовсе перепугался до смерти — он пулей отскочил в сторону, подальше от бедолаги.

Переодетые телохранители мгновенно среагировали на угрозу. Трое из них живым щитом заслонили Бай Хэ, застыв в предельной боевой готовности, в то время как остальные бросились к Цин Шу. Они прижали ладони к его спине, вливая в ослабшие меридианы теплую защитную ци. Лишь спустя пару минут к раненому вернулось подобие жизненных сил, и на его щеках проступил слабый румянец.

Бай Хэ нахмурился.

— Что случилось? — спросил он ледяным тоном.

Император прекрасно знал возможности своего советника. Пусть Цин Шу и славился прежде всего выдающимся умом, этот болезненный ученый отнюдь не был беззащитным слабаком. Да, недуг подтачивал его изнутри, но не до такой же степени, чтобы среди бела дня харкать кровью без видимых причин. Всё указывало на то, что Цин Шу подвергся невидимому, но сокрушительному удару извне.

В душе Бай Хэ шевельнулась глубокая тревога. Если кто-то столь сильный затаился рядом, грядущие торги могли пойти прахом, разрушив все его тщательно выверенные планы.

— Ваше Величество... этот человек смертельно опасен, — хрипло выдохнул Цин Шу, чьи плечи всё еще мелко дрожали от пережитого ужаса. — К нему нельзя приближаться. Ни в коем случае!

То, что произошло мгновение назад, не укладывалось в голове. В одно мимолетное мгновение, буквально в мгновение ока, таинственный незнакомец не просто почуял его слежку — он нанес ментальный удар сокрушительной силы, целясь прямо в душу, в самую суть его разума.

Цин Шу не находил себе места от досады и страха.

«Как такое возможно? Еще минуту назад я тешил себя иллюзиями, уверенный, что смогу приручить этого среброволосого воителя для своего повелителя. А теперь лежу здесь, раздавленный его небрежной волей».

Да, Цин Шу не хватал звезд с неба на поприще боевых искусств, но и посредственностью не был. Однако теперь он отчетливо понимал: пожелай тот мужчина его смерти, от него не осталось бы даже мокрого места.

И ведь тот таинственный среброволосый господин даже не напрягся. Что это было? Легкое предупреждение? Или он просто счел ниже своего достоинства тратить силы на столь жалкого противника? Цин Шу подозревал, что верно и то, и другое, причем второе оскорбительное допущение казалось ему куда более правдоподобным.

— Мой государь, — Цин Шу, преодолевая слабость, опустился на колени. — Обстановка накаляется. Ради вашей безопасности нам нельзя здесь оставаться. Умоляю, позвольте увести вас отсюда.

Бай Хэ небрежным жестом приказал телохранителям вернуться на свои посты.

К этому моменту внизу уже вовсю кипела жизнь — торги официально открылись. На помост, где еще недавно извивались в танце гибкие девы, поднялся градоначальник Речного города и завел пафосную речь.

Бай Хэ бросил беглый взгляд вниз, на пеструю толпу, после чего повернулся к коленопреклоненному советнику.

— Хочешь сказать, тебя приложил тот среброволосый красавец? — негромко спросил он.

С трудом подавив подступившую к горлу тошноту и внутренний трепет, Цин Шу во всех красках описал то жуткое давление, под которым едва не лопнул его разум. Он переживал не за себя — собственная жизнь волновала его меньше всего. Куда страшнее было представить, что этот монстр обратит свой взор на императора. Тогда беды не миновать.

Выслушав его, Бай Хэ лишь снисходительно усмехнулся. Судя по всему, его это ничуть не напугало. Он перевел взгляд на первый этаж, где за одним из столиков сидели двое — один в черном одеянии, другой в белоснежном.

— Я уже сталкивался с ними в Башне Фейерверков, — ровным голосом произнес император. — Захоти они лишить меня жизни, я бы уже давно кормил червей. Так что оставь свои страхи. Скорее всего, ты сам виноват — уставился на него со слишком уж явным намерением, вот и получил щелчок по носу в качестве предупреждения.

— Неужели они настолько жуткие? — пролепетал Бай Сяошуан, испуганно разглядывая со спины силуэт Бу Фэнчэня. — Братец-император, когда мы виделись в Башне Фейерверков, этот седовласый господин показался мне весьма дружелюбным. С чего бы ему вдруг превращаться в чудовище?

Бай Хэ и сам уловил эту странность. Несмотря на приличное расстояние, разделявшее их ложу и столик загадочных гостей, он чувствовал: аура Бу Фэнчэня разительно отличалась от той, что окутывала его в Башне Фейерверков. Там он казался безмятежным, почти домашним. Здесь же от него веяло первозданным холодом.

— Человеческая душа — глубокий колодец, — многозначительно вздохнул Бай Хэ.

Заметив, что Цин Шу по-прежнему бледен от беспокойства, правитель ободряюще улыбнулся:

— Не забывай, твой повелитель — истинный Сын Неба, оберегаемый самой судьбой. Неужели ты думаешь, что меня так просто погубить?

— Как прикажете, государь, — выговорил Цин Шу.

Спорить с монархом было делом опасным и неблагодарным. Советник послушно склонил голову, но в душе его продолжали роиться сомнения. Каким бы мудрым и дальновидным ни был его господин, подобное легкомыслие перед лицом истинной силы казалось ему безрассудством. Откуда в императоре эта слепая уверенность?

Наконец градоначальник закончил утомлять публику велеречивыми банальностями, и распорядители объявили о начале торгов. Роль ведущей без лишних споров доверили главной приме заведения — ведущей певице здешней ресторации.

Она предстала перед публикой в нежном одеянии цвета спелой дыни. Личико миловидное: аккуратный овал, брови тонкие, словно изгиб молодого месяца, и ясные, миндалевидные глаза. Ее нельзя было назвать писаной красавицей, от которой перехватывает дыхание, но было в ней некое неуловимое очарование, редкое изящество и чистота, заставлявшие мужчин заворуженно ловить каждое ее движение.

Звали девицу Сяо Цао — Маленькая Травинка.

Среди душного угара, паров вина и лоснящейся от жира роскоши появление этой девушки подействовало на собравшихся подобно первому весеннему дуновению.

Стоило Сяо Цао заговорить, как по залу разлилась чарующая мелодия ее голоса. Не зря она носила звание лучшей певицы города: ее речь журчала чистым горным ручьем, слова звучали отчетливо и мерно, напоминая звон драгоценных бусин, рассыпавшихся по гладкому нефриту.

Впрочем, глядя на это нежное создание и внимая ее сладкому щебету, мало кто из гостей по-настоящему вслушивался в суть презентации. А лотом под номером один оказалась старинная картина с каллиграфией — творение известного южного мастера, украшенное изящным

стихотворением какого-то столичного книжника.

Истинных ценителей искусства в зале отродясь не водилось. Большинство собравшихся составляли богатеи из числа тех, кто отчаянно пытался казаться утонченными натурами. Денег у них водилось куры не клюют, но жуткий страх прослыть неотесанными мужланами, от которых за версту несет мещанским душком, заставлял их скупать всякую дребедень. Они вешали в своих гостиных аляповатые свитки ради пущей важности. Вот и сейчас: посредственный пейзаж не стоил и половины запрашиваемого, но тщеславные глупцы уже вовсю раздували кошельки, готовые швыряться золотом.

Сяо Цао искусно вела торги. Ее медовые речи и тонкая лесть лились рекой, разжигая азарт среди новоявленных богачей. Ставки сыпались одна за другой, взлетая всё выше и выше под одобрительный гул толпы.

Я отхлебнул чаю из пиалы и тихо хмыкнул.

— Надо же, за эту дешевку готовы драться. Воистину: у дураков карманы всегда полны золота, только успевай вытряхивать.

Вся эта суета изрядно меня забавляла. Даже если мы сегодня уйдем отсюда с пустыми руками, зрелище цирка с глупцами в главных ролях с лихвой окупало потраченное время. Впрочем, устроитель аукциона заслуживал уважения: он чертовски точно просчитал психологию местных толстосумов и теперь греб золото лопатой.

В зале становилось все жарче — виной тому было обилие разгоряченных тел и духота. Стоявшие позади нас Тунтун и Сусу усердно взмахивали веерами, навевая спасительную прохладу на своих господ.

Первый лот без труда ушел к какому-то пузатому купцу. Следом на помост выволокли второе сокровище. К удивлению публики, это оказался живой товар — молодая женщина небывалой красоты. Черты ее лица казались местным диковинными: пышные золотые кудри, высокая переносица, ясные лазурные глаза и кожа белая, точно свежавыпавший снег. Стоило чужеземке предстать перед залом, как похотливые взгляды сотен мужчин намертво прикипели к ее фигуре.

Сяо Цао вновь запела соловьем, расписывая достоинства рабыни так, будто пред ними предстала спустившаяся с небес богиня. Под конец она и вовсе пустилась в туманные намеки: дескать, дикарка сия — не кто иная, как обратившаяся в человеческий облик лисица-оборотень, а утехы с ней даруют мужчине вечную молодость и долголетие.

Я едва сдерживал смех. Какая чушь! Оборотни, продление жизни... Надо же иметь такую наглость, чтобы плести подобную чепуху среди бела дня! Перед ними стояла обычная девка из заморских земель. Просто Речной город затерялся глубоко в материковой глуши, и здешние обыватели отродясь не видывали людей с другим разрезом глаз и цветом кожи.

По опыту я знал: заморские красавицы хороши лишь в юности, они увядают быстрее весенних цветов, да и кожа у них грубее нашей. Но девица на сцене и впрямь была недурна: точеная талия, бесконечно длинные ноги и на удивление гладкая кожа. Назови такую искустельницей — и никто не посмеет спорить.

Я скосил глаза на молчаливого спутника и заговорщически шепнул:

— Что-то ты совсем приуныл, дорогой мой. Может, прикупить тебе эту диковинку? Девка ладная, в постели скучать не придется.

В ответ Бу Фэнчэнь наградил меня столь ледяным и презрительным взглядом, что у меня едва зубы не застучали. На его безупречном лице отразилось такое брезгливое равнодушие, что стало ясно: эта заморская птица для него не более чем куча придорожной пыли. Впрочем, неудивительно. Какими бы прелестями ни обладала девица, поставь ее рядом с Бу Фэнчэнем — и она мгновенно померкнет на фоне его неземной, царственной красоты.

— В поднебесном мире нет и не может быть существа, способного превзойти меня в совершенстве, — изрек Бу Фэнчэнь с абсолютным, непоколебимым спокойствием.

На его лице не дрогнул ни один мускул, ни тени смущения или хвастовства. И пусть его слова были чистейшей правдой, ну почему этот невозможный человек не умеет соблюдать хотя бы видимость скромности?

И в то же мгновение, преспокойно глядя перед собой, Бу Фэнчэнь лениво поднял руку. Его негромкий, бархатистый голос прозвучал без малейшего напряжения, но каким-то чудом достиг ушей каждого человека в переполненном зале:

— Пять тысяч лан.

Я едва не поперхнулся. Этот сумасшедший действительно вступил в торги?!

Сяо Цао растерянно посмотрела в нашу сторону. Столкнувшись взглядом с Бу Фэнчэнем, бывалая и ко многому привыкшая девица занервничала, принявшись торопливо теревить край своего шелкового рукава, чтобы скрыть внезапное волнение.

— Уважаемый гость, — мягко произнесла она, — но почтенный господин в первом ряду уже предложил пять тысяч лан серебра. По правилам нашего заведения, вам надлежит поднять ставку.

По залу покатила волна насмешливых смешков. Но стоило Бу Фэнчэню безмятежно уронить лишь одно слово, как веселье мгновенно застряло у всех в глотках:

— Золотом.

— Кха!.. — Я все-таки поперхнулся чаем и знатно закашлялся, едва не окропив тончайший фарфор пиалы.

«Пять тысяч... Золотом?! За обычную заморскую девку?!»

<http://bllate.org/book/18233/1765209>